

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№2 (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ) 2025

Научно-информационный журнал КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№2 (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ) 2025

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Катасонов В. Н.** Время и медленное чтение3
Макухина А. В. Театр в цифровом пространстве: вызовы и перспективы7

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Анисина З. Д.** Художественное наследие:
проблемы и перспективы актуализации в современной культуре16

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Марков А. В., Штайн О. А.** Наличники как культурное наследие:
теоретические параметры изучения23
Первушина Е. В. История формирования поздних видов
русской фольклорной хореографии32
Кабакович Н. А. К проблеме стилистической целостности текста
и изображения: анализ иллюстраций Светланы Ким
к стихотворениям для детей Сергея Панфилова40
Сариева Е. А. Роль водевильного куплета и особенности его исполнения49
Борзова Т. А. Традиционные ценности в современном наставничестве57
Ван Ювэй Эстетическое значение авангардной музыки63

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Береснева Ж. А.** Проблема сохранения культуры на материале
«Паломничества ко святым местам в 1830 году» А.Н. Муравьева68
Лучкин А. В. Древнерусское искусство XV–XVII вв. на выставках объединения
«Мир искусства»: концептуальные подходы и принципы экспонирования74

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

- Зыков С. Н., Бортникова Н. В.** Жилище «корка» и женский костюм удмуртов
культурно-смысловая парадигма82

РОССИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

- Ананьев В. Г.** «Прекрасная мечта» Института истории искусств:
к истории неосуществленного проекта римского отделения (ч. 1)88
Гарафутдинов Д.В. Международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова:
перспективы развития в современных условиях94
Добрева В. Рецензия на книгу А. Миронова
«Болгарский героический эпос. Аксиологический анализ» 100

Мыльникова Андрея Андреевича «Лето» 1970 г.

Фото с сайта виртуального Русского музея.

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/HI.2025.49.2.012

ЖИЛИЩЕ «КОРКА» И ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ УДМУРТОВ. КУЛЬТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА

Зыков Сергей Николаевич,
к.т.н., профессор,
профессор кафедры дизайна
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
ул. Университетская, д. 1, г. Ижевск, Россия, 426034
zikov.sergei@yandex.ru

Бортникова Наталья Вячеславовна,
к.культурологии, доцент,
доцент кафедры компьютерных технологий
и художественного проектирования
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
ул. Университетская, д. 1, г. Ижевск, Россия, 426034
bortnicova.natasha@yandex.ru

Аннотация

Иконический образ жилища в удмуртской культуре на протяжении веков являлся олицетворением женского начала. В данной статье авторы раскрывают основные конструктивные и декоративные особенности традиционного дома «корка» и удмуртского женского костюма в контексте единых сакральных характеристик. При этом особое внимание уделяется воплощению образа матери, как культурно-смысловой парадигмы этих двух взаимосвязанных феноменов удмуртской культуры.

Ключевые слова

Традиционное жилище «корка», удмуртский женский костюм, культурно-смысловая парадигма, женские образы, образ матери.

Традиционное жилище и женщина (хозяйка жилища, мать — хранительница рода и очага) являются взаимосвязанными и взаимопроникающими понятиями многих национальных куль-

тур (в том числе и удмуртов), прошедших долгий путь формирования самобытности и совершенства в своих естественных пространственных и временных реалиях.

Исследователь Т.В. Цивьян отмечала, что: «... дом — это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим. Человек создаёт для себя мир/дом по образу внешнего мира, но приспособляя его к своим размерам»¹. По мнению А.К. Байбурина, жилище человека представляло собой своеобразный «культурный горизонт»². Это то пространство, где человек осознанно преобразовывал «дикое/природное» в «культурное/рукотворное», основываясь на своих мироощущениях, пониманиях устройства мира и сакрально-смысловых взаимосвязей в нём. Финно-угорские этносы воспринимали окружающее пространство как многоликую субстанцию, наделённую глубинными смыслами бытия, где особая роль отводилась женщине, как созидательнице, создательнице, транслятору и хранительнице этнокультурных феноменов, обычаев и ценностей. В этой связи исследователь В.А. Маслова рассматривает дом как своеобразную раковину, «к которой прирос человек»³, где, подобно росту жемчужины, слой за слоем формируется жизнь. Схожее описание можно дать и традиционному женскому костюму, который был не только образно-смысловым, но и самым обволакивающим женщину-мать многослойным коконом, где зарождалась и формировалась «жемчужина» жизни человека и рода в целом.

Филолог Т.Ю. Касаткина, изучая вербальные ассоциативные связи языкового сознания удмуртов, отмечает непосредственную ассоциацию национального жилища «корка» со словом «анай» — мама⁴. В литературе имеется и упоминание, о том, что в ряде других финно-угорских племён, жилище сравнивали с «лоном матери»

(на эстонском языке «emakoda»), а также «... с изначальной маткой, образом более архаическим, чем образ матери»⁵. В пословицах финно-угорских народов можно заметить лексику, непосредственно связывающую дом с матерью: «Когда живёшь дома, будто у двух матерей и у двух отцов живёшь»⁶.

Дом для финно-угров в общем смысловом понимании — это пространство, в котором есть тепло, уют, достаток, что обеспечивала женщина-хозяйка-мать. Здесь необходимо добавить, что при крестьянском образе жизни тепло, уют и достаток были неразрывно связаны не только с женщиной, но и с домашними животными, с которыми, как считалось, женщина находилась в неразрывной сакральной связи. Некоторые тюркские и финно-угорские поверья говорят, что «... если поставить избу на том месте, где корова лежала, то будет тепло (в избе)»⁷. Непроста, в чувашском лексиконе корова ассоциировалась с женскими словами «молодая женщина», «мать», а также со словами «создатель», «достаток». Интересно отметить, что, поскольку у удмуртов корова также ассоциировалась с женщиной-матерью, в некоторых старых версиях головного убора удмуртки «айшон» могли присутствовать рога коровы — как покровителя рода (воршуда) женщины.

Мифологемы о сакральном единстве жилища и женщины, безусловно, не могли не найти зримое отражение в смысловых образах, характеризующих национальное жилище «корка» и удмуртскую женскую одежду, которая, по мнению И.Л. Сиротиной «... имела береговое, защитное, престижное, воспитательное значения; при этом главной оставалась эстетическая функция, определявшая специфику этнокультурных функций: эмотивной, познавательной-эвристической, этической, компенсаторной, суггестивной, аксиологической, гедонистической и ряда др.»⁸. Рассмотрим некоторые мифологемы и их ассоциации с видо-

1 Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира // ТЗС. – Тарту, 1978. – Вып. 10. С. 72.
2 Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян – Л. : Наука, 1983. С. 182
3 Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2008. С. 251.
4 Касаткина Т. Ю. Сопоставительный анализ ассоциативных полей слов «корка» и «йорт» (на материале удмуртского и татарского языков) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2022. №14. С.43.

5 Paulin H. Larchitecture rurale francaise – corse, 1978. P. 10.
6 Некрасова О. И., Пунегова Г. В. Репрезентация образа дома в коми языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. №2. С.240.
7 Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахёсен кёнеки. 1929. Вып. 4. С. 115.
8 Сиротина И.Л. Трансформация народного финно-угорского костюма в современном социуме. 2014. – Т.24, №4. С. 239.

выми особенностями дома и женского костюма.

В языческой мифологии финно-угров образ женщины-матери — один из самых древних и почитаемых. В сознании удмуртов Родовая Богиня (Великая Мать) находилась в основе всего сущего в мире. Исследователь Н.И. Шутова пишет, что в данном образе находит отражение «... единство существующего мира, идея плодородия, идея вечного обновления ... смерти и нового рождения»⁹. Способность женщины производить потомство воспринималось язычниками как магия, которую дарует сама Великая Мать. Магия, которую женщина может использовать не только в собственном деторождении, но и в преумножении потомства животных, увеличении урожая, непосредственно влияя на достаток семьи и рода.

Считалось, что Великая Мать имеет множество сакральных воплощений, одним из которых было Мировое древо жизни — образ, в котором заключена семантика, связанная с женщиной и женскими божествами: «женское тело было расположено внутри системы вертикальных переходов с той же целью, что и священные деревья, поднимающиеся из воды и достающие до небес»¹⁰. Как и у многих других народов-язычников, древо жизни характеризовалось вертикальным трехчастным делением (верхний уровень — мир богов, средний уровень — мир людей и живой природы, нижний уровень — мир мёртвых). В верхнем мире правил бог неба — Инмара, нижний мир принадлежал Кылдысину (Му-Кылчину, Керемету) — богу земли (который одновременно мог быть представлен как женскими, так и мужскими сакральными образами). Средний мир являлся связующим звеном между верхним и нижним миром — путём, по которому шёл человек во время своей земной жизни. Его властителем был Куазь (бог атмосферы и погоды).

Эти представления о глобальном устройстве мира люди переносили на локальные пространства, в которых существовал человек (будь то дом удмуртов «корка» или национальный костюм удмуртской женщины), придавая структуре

пространств самобытное сакрально-смысловое звучание, декорируя их специфической орнаментальной символикой.

В «корке» вертикальное деление по сакральным ярусам распространялось как на общую конструкцию жилища (крыша — верхний мир, подполье — нижний мир, внутреннее «жилое» пространство избы между ними — средний мир), так и на исключительно «жилое» помещение (где границами миров являлись плоскости лавок и полатей, а верхний мир символизировала мумыкор — главное поддерживающее доски потолка бревно), а также на некоторые отдельные конструктивы помещения (например, печь). Аналогичную трехчастную структуру можно увидеть и в смысловом описании женского костюма и его элементов: в чалме (головное полотенце), нагруднике, рукавах и т.д.

Верхний мир неизменно ассоциировался со связью человека с будущим, миром богов и почитаемыми язычниками животными, поэтому крыша дома и головной убор женщины имели в сакральных функциях схожий магический статус, показывающий связь с богами и Великой Матерью. Визуально это выражалось в том, что наверх крыши дома дополнялось фигуркой коня или птицы, а их семантические изображения присутствовали в орнаментальных мотивах, украшавших головной убор.

Образ птицы не только ассоциировался с верхним миром, но с пограничной связью среднего мира с богами и их покровительством. С этим связаны такие изречения, как: «взять под своё крыло», «материнское крыло». Крылья в мифологическом сознании удмуртов соотносились со скатами крыши дома, а также с рукавами женской рубахи, в орнаментацию которых входили декоративные мотивы, связанные с водоплавающими птицами.

Средний мир живых был пространством бытования человека: в доме — это жилые помещения, а в женском костюме — условное пространство от кокетки до оборки на подоле. В этом мире под покровительством Великой Матери впервые начинало биться сердце, человек жил и в свой час уходил в царство мёртвых. Это была строго охраняемая родовая территория, входы в которую нуждались в постоянной сакральной защите. Поэтому косяки окон и дверей, срезы рукавов, воротника и подола насыщались декором с обережной символикой. Примечательно,

что с переходом девушки в статус замужней женщины с выполнением функции деторождения костюм претерпевал значительные изменения. В конструкции одежды появлялся новый глубокий проём (грудной вырез рубахи, предназначенный для удобства вскармливания ребёнка), нуждающийся в дополнительной магической защите. Его прикрывал декорированный нагрудник. Также целям сакральной защиты груди (как олицетворения женского начала) служили шумящие нагрудные металлические украшения, отпугивающие, как считалось, злые силы. В целом костюм замужней женщины был гораздо более орнаментирован, чем девичий наряд.

С представлением проёмов как входов в родовое семейное пространство связано множество обычаев и верований. Например, О.М. Фрейденберг писала, что во время родов: «... женщина отворяет и затворяет небесную дверь. <...> В фольклоре женский рождающий орган — «ворота», дитя — «путник»»¹¹. Интересно, что у удмуртов существовал обычай, что при родах женщине расплетали волосы, развязывали все узелки на одежде, а дверь в избе открывали, символизируя принятие в защищаемое Великой Матерью родовое пространство новую жизнь.

Нижний мир в доме ассоциировался с подпольем, в женском костюме — с нижней частью костюмного комплекса, обувью. Границами среднего и нижнего мира выступали пол и подол платья, соответственно.

Наряду с представлениями о вертикальной сакральной организации мира и родовой территории мифологизировалась также их плоскостная организация: форма, сакральный центр (в качестве исходящей точки), ориентация по сторонам света (север-юг; восток-запад).

Считалось, что родовую территорию (место, где живут удмурты) своей магической аурой защищают Великая Мать (Родовая Богиня) и духи предков по материнской линии. Родовое пространство (территория), находящееся под покровительством Великой матери у финно-угорских народов, в семантической интерпретации удмуртов представлялось квадратом или ромбом. Исследователь В.Н. Топоров в отношении формы квадрата высказался следующим образом: «... квадрат, соотносится в мифопоэтической тради-

ции с образом идеально устойчивой структуры, статической целостности, интегрирующей в себе основные параметры космоса...»¹². Другой сакральной фигурой был «крест — центр мира, состоящего из двух противоположных, начал, четырёхчастная розетка — символ территории рода, неотделимой у удмуртов от имени родовой богини»¹³.

При возведении деревянных строений обычно придерживались принципа дихотомии, где постройка жилых изб с квадратным в плане срубом являлась обычной практикой. Такая форма в ассоциации с семантическими образами родовой территории и Великой матери придавала внутреннему жилому пространству избы особое сакральное звучание.

Отражение четырёхчастной плоскостной картины мира можно наблюдать в общем крое традиционного женского костюма, его отдельных элементах, декоре. Одежда женщины, головные уборы, нагрудники, передник «айшет» (который женщина повязывала поверх халата) богато декорировались различными комбинациями: треугольных элементов, передающих сакральную символику «женского начала»; квадратных и ромбовидных элементов, символизирующих «родовую территорию». В этой связи рассмотрим традиционный платок-покрывало «сюлык», который также имел квадратную форму.

«Сюлык» являлся головным убором исключительно замужних женщин. Здесь присутствовала ромбовидная орнаментация, а также другие декоративные мотивы. Ромб, ромб с отростками (мотив «куска») символизировали плодородие женщины, продолжение рода, соединение мужского и женского начал. Ромб мог состоять из двух треугольников или углов — знаков, которые в архаичной культуре ассоциировались с женской силой, корнями родового древа и воршудной (семейной) богиней. Также, в элементах сакрального декора присутствовали всевозможные интерпретации розеток, квадратов, крестов, ромбов, треугольников, углов, отражающих «женское начало».

В качестве выводов по вышеизложенному материалу можно выделить следующие моменты.

9 Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. 2001. С. 222.

10 Apo S. Ex cunno Come the Folk and Force. Consept of Womens Dynamistic Power in Finnish-Karelian Tradition // Gender and Folklore. Perspectieve on Finnish and Karelian Culture. 1998. P. 81

11 Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. 1997. С. 211.

12 Топоров В. Н. Числа, 1992. — Т. 2. С. 630

13 Стасов В. В. Русский народный орнамент: Шитье, ткани, кружево, 1987. С. 102

Культурно-смысловая парадигма сакральных пространств жилища «корка» и удмуртского национального костюма имеет значительные сходные черты, основанные на почитании женщины и женского начала, как проявления Великой Матери (Родовой Богини), под защитой которой находилась вся жизнь человека от рождения до смерти. Эти взгляды согласовывались у удмуртов с организацией, декорированием и совместным бытованием жилища «корка» и женского костюма удмуртов в форме единого неразрывного взаимосвязанного ансамбля.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Казань — Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1929. Вып. 4. — 352 с.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин — Л.: Наука, 1983. — 188 с.
3. Касаткина Т. Ю. Сопоставительный анализ ассоциативных полей слов «корка» и «йорт» (на материале удмуртского и татарского языков) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2022. №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-assotsiativnyh-poley-slov-korka-i-yort-na-materiale-udmurtskogo-i-tatarskogo-yazykov> (дата обращения: 13.03.2025).
4. Лебедева Е. А. Некоторые названия животных в этнолингвистическом аспекте // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф. (г. Чебоксары, 21–22 октября 2004 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 126–142.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, ТетраСистемс, 2008. — 266 с.

6. Некрасова О. И., Пунегова Г. В. Репрезентация образа дома в коми языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-obraza-doma-v-komi-yazyke> (дата обращения: 13.03.2025).

7. Сиротина И. Л. Трансформация народного финно-угорского костюма в современном социуме/ Лысова Н. Ю., Сиротина И. Л.// Вестник Мордовского университета. Саранск — 2014. — Т.24, № 4. — С. 238–245

8. Стасов В. В. Русский народный орнамент: Шитье, ткани, кружево / В. В. Стасов. — С-Пб, 1987. — 215 с.

9. Топоров В. Н. Числа / В. Н. Топоров // МНМ. — М.: Сов. Энцикл., 1992. — Т. 2. — С. 629–631.

10. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Подгот., общ. ред., предисл. и послел. Н.В. Брагинской, послел. И. В. Пешкова. М.:Лабиринт, 1997. 448 с.

11. Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира / Т. В. Цивьян // ТЗС. — Тарту, 1978. — Вып. 10. — С. 65–80.

12. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. — 304 с.

13. Apo S. Ex cunno Come the Folk and Force. Concept of Womens Dynamistic Power in Finnish-Karelian Tradition // Gender and Folklore. Perspective on Finnish and Karelian Culture. — Helsinki, 1998. — P. 31–62.

14. Paulin H. Larchitecture rurale francaise — corse / H. Paulin, G. Ravis-Giordani. — Paris, 1978. — 251 p.

THE HOUSE «CORKA» AND THE WOMEN'S COSTUME OF UDMURTS. CULTURAL AND SEMANTIC PARADIGM

Zykov Sergey Nikolaevich,
PhD in Engineering sciences, Professor,
Professor of the Department of Design
Udmurt State University
st. University, 1, Izhevsk, Russia, 426034
zykov.sergei@yandex.ru

Bortnikova Natalya Vyacheslavovna,
PhD in Culturology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Computer Technology and Artistic Design
Udmurt State University
st. University, 1, Izhevsk, Russia, 426034
bortnikova.natasha@yandex.ru

Abstract

The iconic image of the dwelling in Udmurt culture has been the personification of the feminine for centuries. In this article, the authors reveal the main constructive and decorative features of the traditional house «Corka» and the Udmurt women's costume in the context of unified sacred characteristics. At the same time, special attention is paid to the embodiment of the image of the mother, as the cultural and semantic paradigm of these two interconnected phenomena of Udmurt culture.

Keywords

The traditional dwelling «Corka», the Udmurt women's costume, the cultural and semantic paradigm, female images, the image of the mother.